

УДК 930.1

М.С. Колесов, д-р филос. наук, профессор*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ И «СОВЕТСКИЙ МАРКСИЗМ»**

Анализируются основные положения книги известного философа XX века Герберта Маркузе «Советский марксизм» с точки зрения ее актуальности.

Известный немецко-американский философ Герберт Маркузе (1898-1980) в 1958 году выпустил в Нью-Йорке книгу под названием «Советский марксизм», которая затем неоднократно переиздавалась в разных странах. Книга была написана непосредственно в связи с радикальными переменами в Советском Союзе, вызванными смертью И.В. Сталина и приходом к власти Н.С. Хрущева. Но впоследствии она дорабатывалась и охватила время «хрущевщины» до ее конца.

Свою задачу Маркузе, считавший себя неомарксистом, видит в том, чтобы показать «марксизм» в «его реальном функционировании в советском обществе и его исторической перспективе». При этом он исходит из двух «предварительных предположений».

Во-первых, «советский марксизм», – в его ленинском, сталинском и постсталинском вариантах, – не совпадает с провозглашенной «Кремлем» идеологией, обосновывающей и оправдывающей свою политику как «реальность советского общества».

Во-вторых, в истории действуют «объективные течения и тенденции», которые составляют «рациональность исторического процесса».

В связи с этим Маркузе сравнивает Маркса с Гегелем: «...Для Маркса, история не есть представление Разума, а именно наоборот: Разум принадлежит будущему бесклассовому обществу, поскольку эта социальная организация соответствует свободному развитию человеческих потребностей и способностей» [1, с. 8-9]. К. Маркса объединяло с Гегелем убеждение в существовании исторических законов, отрицающих «любого типа телеологию». «В этом смысле, исторический процесс рационален и необратим».

Поэтому Маркузе считает, что взаимодействие между западным и советским развитием есть не «внешний фактор», а принадлежит определенной исторической тенденции, историческому «заказу», который управляет также «советским марксизмом», как и «реальностью, которую он отражает». «...Сосуществование, возможно, составляет наиболее особую черту современной эры; означает встречу двух антагонистических форм индустриальной цивилизации, соперничающих между собой не только на международной арене, и при этом ни одна из двух не является достаточно сильной, чтобы уничтожить другую» [1, с. 14].

При этом вопрос о том, «следует или нет советское руководство марксистским принципам», не имеет значения, так как, вовлеченный в формирование фундаментальных институтов и целей нового общества, марксизм становится «субъектом исторической деятельности, которая преобладает над намерениями руководителей».

«Советский марксизм» принял характер некоей «науки поведения», стал «научным бихевиоризмом», так как большая часть его теоретических формулировок имеет прагматическую и инструментальную цель. Эти теоретические формулировки в свою очередь объясняют «советские тенденции». Поэтому необходимо «устанавливать дистанцию» между публичными высказываниями и реальным значением советских марксистских формулировок. К тому же «советское использование» марксизма отличает «новая» манера», придающая специфическое значение марксистским понятиям, которые трансформируются по мере того, как «советский марксизм» претендует быть истинным марксизмом для новой исторической ситуации.

В своей книге философ анализирует некоторые важнейшие политические постулаты «советского марксизма».

Прежде всего, он рассматривает «оригинальную концепцию» перехода к социализму, выражающую «понятие объективного совпадения между процессом цивилизации и революционным действием промышленного пролетариата».

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс устанавливали противоположность между социалистическим государством и прежними государственными формами в «терминах *реальных субъектов, которые составляют Государство*, а не в терминах специальных институтов». Социалистическое государство есть ничто иное как «революционная диктатура пролетариата».

По этому поводу Маркузе замечает, что «марксистская теория и ее политические цели были чужды существованию и интересу пролетариата эпохи, по меньшей мере, его большинству». Он

называет это «незрелостью» пролетариата. «Революция должна была быть прямым действием, организованным *пролетариатом как классом*, или быть ничем».

Появление ленинизма как новой формы марксизма было определено двумя основными факторами: «1) попытка заставить войти крестьянство в орбиту марксистской теории и стратегии, 2) попытка определить новые перспективы капиталистического и революционного развития в эпоху империализма». Здесь мнение Ленина расходилось с Марксом, (и Троцким), который под «пролетариатом» имел в виду только «рабочий класс». «...Революция «рабочих и крестьян» – и уже не только «рабочих» – трансформировалась в ядро советского марксизма, не только благодаря тому, что революция победила в России, а также потому, что революционный потенциал промышленного рабочего класса уменьшился в развитом капиталистическом мире», – пишет Маркузе [1, с. 35].

Однако в сравнении с социал-демократической политикой (К. Каутский), которая «с достаточной точностью» отразила, экономические и социальные условия большинства рабочих в промышленно развитых странах, ленинская «стратегия революционного авангарда» (партии) шла намного дальше «чистой переформулировки классического марксистского понятия» пролетариата

«Создание ленинской партии (или руководства партии) как аутентичного представителя пролетариата не могло заполнить пустоту, существующую между новой стратегией и старой теоретической концепцией. Ленинская стратегия авангарда признавала факт того, что она отрицала в теории: фундаментальное изменение, которое произошло в объективных и субъективных условиях революции» [1, с. 38].

Так что такое «советский марксизм», его основополагающие аспекты «самоинтерпретации»?

По Маркузе, это, прежде всего, – так называемое «ленинское наследие» («ленинский завет»).

«Ленинская теория, также как и сталинская, отрицали, периодически и формально, возможность международной интеграции западного мира в длительной перспективе. ...Советский марксизм отрицал также, с идентичной высокопарностью, сопутствующие перемены, которые произошли в структуре рабочего класса западных стран, из-за того, что марксистское классическое представление о революционном пролетариате перестало быть главной опорой советской теории...» [1, с. 43].

«Советский марксизм» продолжал использовать «ортодоксальные» марксистские концепции, которые очевидно противоречили реальной политической ситуации. Но это не значит, что «советский марксизм» свелся к «чистой пропаганде». Однако отстаивание марксистской теории, «каким бы низким ни был ее уровень», сохраняло «напряжение между теорией и практикой». Формирование советской марксистской теории происходило из ленинской интерпретации марксизма. Маркузе напоминает о том, что Ленин верил в марксистский вывод, согласно которому, социалистическая революция будет результатом взрыва противоречий в «лоне *совершенно зрелой* капиталистической страны». И от этого убеждения его не заставила отступить даже победа большевистской революции. Он мечтал о «буржуазно-демократической революции».

На заседании ВЦИК в апреле 1918 года Ленин заявил: «В действительности государственный капитализм был бы для нас шагом вперед. Если мы были бы способны установить в России государственный капитализм в короткий срок, это была бы победа... Подчеркиваю, что государственный капитализм был бы нашим спасением».

Поэтому он надеялся на революцию в Германии, которая бы «вытянула» Россию своим «промышленным капиталом». Но, после поражения революции в Германии, с 1921 года советская политика меняется – происходит «революционная» ориентация с Европы на Восток (как «резерв» мировой революции): Китай, Индия. Ставка делается на «противоречия» (конфликт) между капиталистическими странами. Называются два типа противоречий: 1) противоречия между империалистическими странами, 2) противоречия между капиталистическим миром и советским государством.

Теперь «советский марксизм» следовал этой «двойной» ориентации Ленина.

«Советский марксизм анализирует все развитие капитализма с первой мировой войны так, как если бы речь шла об одном периоде: подразделения были как будто лишь этапами единственной основной тенденции», – отмечает Маркузе [1, с. 55].

И.В. Сталин на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 года заявил: «Если охарактеризовать в двух словах истекший период, его можно было бы назвать периодом **переломным**. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического **подъема**, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому **упадку**. У нас, в СССР, **растущий подъем** социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, **растущий кризис** экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве» [2, с. 235].

То же самое он говорил и на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г.: «Для капиталистических стран этот период был периодом серьезнейших потрясений, как в области экономики, так и в области политики».

«Советский марксизм» рассматривал фашизм как специфическую фазу национальной и международной классовой борьбы, то есть, как «открытую и террористическую диктатуру наиболее реакционных элементов, шовинистических и империалистических, финансового капитала».

Однако, как отмечает Маркузе, после второй мировой войны ситуация в мире радикально изменилась. Компартии в Европе (Италия, Франция) не смогли взять власть в свои руки, центр «стабильности» переместился в США. В международной сфере СССР терял свою «диктатуру» над компартиями и революционным движением. Сталин был поражен тем, как быстро Западный мир объединился вокруг США против «коммунизма» (речь Черчилля в Фултоне в 1946 г., «доктрина Трумена», «план Маршалла» в 1947 г.). Ответом Сталина была доктрина «двух лагерей» (идея Жданова) и агрессивная стратегия в 1947-1948 гг. (государственный переворот в Чехословакии, блокада Берлина, разрыв с Тито).

Так была опровергнута ленинская концепция «общего кризиса» капиталистической системы.

Между тем «для советского марксизма, определяющий фактор мировой ситуации есть то, что развитие социализма *существует* и эволюционирует параллельно с общим кризисом капитализма (вместо того, чтобы *заменить* его, как это предсказывала марксистская теория)» [1, с. 67].

После войны (1946 г.) в СССР была раскрытирована концепция Варги (по сути Ленина) в пользу «государственного капитализма» как идеологическое преступление, исходя из главного убеждения в глубоком «кризисе» капитализма.

Маркузе отмечает то, что «советская теория отрицает, что произошло фундаментальное изменение в ситуации рабочего класса в капиталистических странах». На XIX съезде Сталин говорил о роли советского пролетариата как «ударного отряда» мирового революционного и рабочего движения. XX съезд заявил: рабочие массы капиталистических стран составляют наиболее мощную силу в борьбе против империалистической агрессии.

Он пишет: «Различия между первыми годами большевистской революции и сталинским Государством, в целом развитом, являются очевидными: постоянный рост тоталитаризма и авторитарной централизации; рост диктатуры, не пролетариата, а над пролетариатом и крестьянством. Но, если диалектический закон превращения количества в качество приложить однажды, то он заключался бы в переходе ленинизма (после Октябрьской революции) в сталинизм. «Запаздывание» революции на Западе и стабилизация капитализма объясняет качественные изменения в структуре советского общества. Ленин старался оказать сопротивление изоляции революции в отсталой стране с утверждением приоритета индустриализации над социалистическим освобождением... Сталин ускорил программу «цивилизации» того, чему Ленин придавал характер предварительного условия для выживания советской системы. ...В момент взрыва второй мировой войны, советская цивилизация продвинулась вперед достаточно для того, чтобы смочь противостоять военной машине наиболее мощной из тех, которой передовая индустриальная страна могла когда-либо располагать» [1, с. 78-79].

Но ленинская «директива» не потеряла своей значимости и указывала приоритетную цель советского государства в течение «первой стадии» социализма: *превзойти экономический уровень главных капиталистических стран*. Советское общество продолжало развивать материальный и технический потенциал социалистического производства.

Однако, как замечает Маркузе, «милитаризация» экономики капиталистических стран ведет к «стабилизации» и к подъему ее уровня (даже к повышению уровня жизни). Таким образом, «собственный подъем советской орбиты поддерживает единство и стабильность «империалистической» орбиты». Советский Союз не может выйти из этого «тупика», не изменив фундаментально своей политики, не положив конец «военной экономике», на которой покоится капиталистическая экономика.

Идеологические и политические перемены, которые начались в эпоху XIX съезда и приобрели большую значимость в течение 1955 и 1956 годов, показали неизбежность политического «виража». «Его появление не могло зависеть от воли советских руководителей, и тем не менее смерть Сталина была решающим фактором этого виража. Решающий фактор находится скорее в реализации предварительного фундаментального условия для установления «нормальной» динамики «капитализм-социализм», то есть достижение советским обществом уровня передовой индустриальной цивилизации» [1, с. 81].

Маркузе пытается определить «рациональность» цивилизации «социализма в одной стране», анализируя следующие принципы, которые направляли ее динамику:

1) всеобщая индустриализация; 2) «ускоренная коллективизация сельского хозяйства»; 3) всеобщая механизация труда и распространение «политехнического» образования; 4) постепенный подъем общего уровня жизни; 5) установление «морали всеобщего труда»; 6) сохранение и укрепление государственной, военной, производственной организации и партии; 7) переход к распределению социального продукта согласно «индивидуальной потребности».

Наряду с этим он выделяет принципы, определяющие «переход к коммунизму», среди которых: «эволюция советского общества от социализма к коммунизму принимает форму диалектического процесса развития внутренних и внешних противоречий», а также – «постепенный переход к коммунизму происходит в условиях, когда навязываются капиталистическое окружение и сосуществование с укрепляющимся капитализмом».

В результате Маркузе приходит к выводу о том, что основное различие между западным и советским обществом не препятствует их параллельному сосуществованию в «сильном ассимиляционном течении». «Обе системы демонстрируют общие черты современной индустриальной цивилизации».

Сами по себе национализация и освобождение от частной собственности не составляют существенного различия, в то время, как производство является централизованным и не контролируемым населением. Советская страна, «перепрыгнув» несколько этапов развития после длительного периода отставания, «неустанно шагает к тому, чтобы встать во главе современных индустриальных обществ».

Сегодня об этом пишет российский историк А. Шубин.

«Часть социалистов (в том числе марксистов) считает, что суть капитализма – не в частной собственности буржуазии, что бюрократия в целом тоже может быть частным собственником, и поэтому в СССР был особенный государственный тип капитализма» [3, с. 344]. «Государственный капитализм» – это такое общество, которое имеет некоторые черты сходства как с идеей социализма, так и с реальностью капитализма, точнее – индустриального общества. «В этом отношении советское общество можно описать формулой «индустриальное общество минус развитая частная собственность плюс социальное государство и государственное управление хозяйством» [3, с. 345].

Герберт Маркузе продолжает: ключевые положения «советского марксизма» имеют своей задачей объяснять и упорядочивать определенную практику, они составляют «прагматические директивы» к действию. «...Предписанная политическая практика *заставит возникнуть* желаемые дела». «...Иллюзии направляют поведение, которое моделирует и изменяет реальность, различие между иллюзией и реальностью становится такой диффузией, как между истиной и ложью». Это подобно примитивной магии. «...Магические черты советской теории трансформируются в инструмент для консервации истины». «Это общество, определенное марксистской теорией как социалистическое, превращается в единственного хозяина истины и лжи; не может быть допущена никакая трансценденция, ни в действии, ни в мышлении, ни, тем менее, индивидуальная автономия» [1, с. 90].

Итальянский марксист Антонио Грамши однажды написал: «Массы как таковые не могут усваивать философию иначе, как веру».

Маркузе пишет: «...Абсурдность советского марксизма имеет объективное основание: отражает абсурдность исторической ситуации, в которой реализация марксистских определений состоит лишь в упоминании для того, чтобы вновь быть отложенными... Люди должны действовать, чувствовать и думать, как если бы Государство составило бы в реальности тот смысл, свободу и справедливость, какую заявляет идеология, и ритуал имеет целью обеспечить такое поведение» [1, с. 94].

Голландский философ Йохан Хейзинга утверждал, что в XX веке история стала «орудием лжи на уровне государственной политики».

Магия марксистской теории создает новую «советскую рациональность», обретающую «парадоксальный характер». Превратившись в «ритуальную структуру», марксистская теория трансформировалась в идеологию, содержание и функция которой отличаются от «классических» форм идеологии. Это – не «ложное сознание», а скорее, сознание «объективной лжи», которая корректируется в контексте «Вышей истины», представленной «объективным историческим интересом».

Идеология превращается в инструмент господства, в «стереотипы желаемого поведения».

Современный политолог Сергей Кара-Мурза пишет: «Миф – обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки, соединяющие реальность с мистикой. То есть, это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание. ...Политические мифы действуют так же как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [4, с. 205]. «Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду?» – задает вопрос политолог. «...В политике слово «правда» означает любое утверждение, лживость которого не может быть доказана» [4, с. 275].

Этот же механизм манипуляции массовым сознанием описывает Герберт Маркузе:

«Упадок независимого мышления увеличивает в большей мере власть слов, их магическую власть, с разрушения которой начался именно процесс цивилизации. ...Через средства массовой коммуникации слова передают цели Администрации, и вовлеченное население отвечает ожидаемым поведением» [1, с. 98].

Маркузе утверждает, что доктрина «социализма в одной лишь стране», определявшая содержание «советского марксизма» в течение сталинского периода, служила для «международно-исторического» оправдания репрессивных функций советского государства. Эта сталинская доктрина настаивала на том, что внутренние противоречия советского общества могут быть разрешены только посредством «руководящей» роли государства. Внешние международные противоречия будут разрешены путем революции в капиталистических странах.

«... В действительности, однако, внешние противоречия увековечивают внутренние, и наоборот, поэтому разница теряет смысл; из-за своего собственного развития, «социализма в одной лишь стране» *se difumina* внутри более широкой концепции, которая устанавливает сущностные связи между построением советского общества и развитием современного капитализма» [1, с. 100-101].

Между тем «советский марксизм», оправдывая репрессивную государственную политику посредством аргумента «капиталистической угрозы», тем самым признает то, что структура советского общества продолжает оставаться антагонистической и что ликвидация этих антагонизмов зависит от «фундаментального изменения в международном созвездии».

«Но советское руководство может достигнуть своих целей (подъема экономики), лишь если СССР перестанет представлять военную и политическую угрозу для Запада, если международное соревнование перестанет быть военным соревнованием, которое поглощает большую часть советской производительности, то есть, если производственная способность Советского государства будет переориентирована и поставлена на службу потребностей граждан», – считает Маркузе [1, с. 105].

Переходя к анализу «диалектики» советского государства, немецкий философ напоминает слова Сталина, сказанные им в 1930 году: *как можно большее развитие государственной власти с целью подготовки условия для отмирания государства: такова формула марксизма*.

«Как власть, Государство, согласно советскому марксизму, трансформируется в точку Архимеда, которая позволит миру двигаться к социализму, в «основной инструмент» для установления социализма и коммунизма» [1, с. 110].

В последний период сталинизма, «советский марксизм» настаивал на том, что формы государства будут меняться согласно с развитием страны и изменениями «международной ситуации».

«Кто и что есть это советское Государство»? – задает вопрос Маркузе.

В связи с этим он отмечает то, что советская «бюрократия» жизненно заинтересована в поддержании и усилении своего привилегированного положения. Однако это не исключает существования конфликта между различными группами «бюрократии». «Бюрократия», сама по себе, не может обеспечить себе «вечную» власть, если не обладает собственной экономической базой или не связана с теми социальными группами, которые располагают этой базой. Но ведь и народ не владеет контролем над средствами производства. Таким образом, контроль, а не собственность, становится решающим фактором власти. В Советском Союзе технико-административный и социальный, контроль, т.е. *политический контроль*, над средствами производства принадлежит *партии власти*.

Маркузе пишет: «Личная власть, включая предположение, что действительно является институализированной, не определяется социальным контролем. Диктатура Сталина, может быть, смогла подчинить своему господству все несогласующиеся интересы в силу своей фактической власти». Вместе с тем личная власть была в свою очередь подчинена требованиям социальной системы, от чьего имени выступала. Эти требования были объединены интересами тех, кто контролировал промышленные и аграрные «основы», а также интересами полиции и армии. Особенно это было характерно для «постсталинского периода». И хотя в Советском Союзе не существовала независимая «гомогенная группа», которой принадлежал в полной смысле социальный контроль, тем не менее, «вся бюрократия, до самого высшего уровня, была вовлечена в стимуляцию террора, или, после усмирения террора, в применение, по большей части непреднамеренно, политических или карательных мер, которые влекли за собой потерю власти...» [1, с. 115].

Он определяет террор как «методическое и непреднамеренное применение насилия (непреднамеренного не только для жертв террора, но также для высших слоев и, включительно, для палачей), и не только в исключительной ситуации, но также в нормальной ситуации». В советском государстве террор имел двойную природу: психологическую и политическую. С одной стороны, наказанию подвергалось нарушение «трудовой дисциплины» на производстве, с другой, – любой вид «нонконформизма»: политически опасные действия, мнения и поведение. Обе формы террора оправдывались политической целесообразностью. Это предоставляло широкое поле для личных и групповых интересов, коррупции и «духу наживы». Но, если даже возвышалась какая-либо группа (или член группы), существовали установленные границы, переступать которые «монополизация власти» не могла позволить, так как это подрывало основу, на которой покоилась советская власть.

Так, например, Маркузе отмечает, что «усилия по сокращению инвестиций в развитие тяжелой промышленности в пользу легкой промышленности и для увеличения производства потребительских

благ, которое было заявлено после смерти Сталина, приобрели форму борьбы за власть между определенными группами высокой советской иерархии» [1, с. 118].

Однако советская «бюрократия», которая составляла особый класс, подчинявший себе все население через посредство контроля экономических и политических интересов, не могла позволить себе каких-либо действий по увековечиванию своих собственных интересов перед общими требованиями социальной системы, к которой она принадлежала.

А. Шубин сегодня признает: «...В СССР господствовал бюрократический класс. ...В СССР существовала господствующая элита, но ее господство обеспечивалось не частной собственностью, а государственной, что определило качественное отличие советского общества от классических капиталистических обществ» [3, с. 344].

Маркузе замечает, что в советском обществе положение бюрократии зависит от роста «производственного аппарата» и ее специфические интересы согласуются с «общественным интересом». «Советская бюрократия специально представляет общественный интерес в гипотезированной [превращенной в реальность – М.К.] форме, в которой индивидуальные интересы отделены от индивидуумов и узурпированы Государством» [1, с. 123]. Однако государство не идентично интересам всего управляемого им населения. Напротив, его реальные интересы («милитаризация» и «индустриализация») не совпадают с объективным «общественным интересом». Государство, как государство господствующего класса, должно обеспечить «универсальность» законов и порядок, и этим гарантировать в определенной степени равенство и безопасность для общества в целом. «...Советское государство, наоборот, трансформируется в «руководящую силу экономического развития страны», в «руководящую силу» экономики».

Это меняет в советском государстве отношение между базисом (экономикой) и надстройкой (государством). Реальность такова, что государство трансформируется в «прямую политическую организацию производственного аппарата, в общего управляющего национализированной экономики». Таким образом, исчезают функциональные различия между базисом и надстройкой.

По Энгельсу: как «отражение» реальной общественно-базиса, идеология составляет часть истины, но выражает ее в ложной форме.

Маркузе пишет: «В советской системе «общий интерес» является *гипотезированным* в государство, сущность, отделенная от индивидуальных интересов. По мере того, как эти интересы становятся отброшенными и неисполнимыми реальностью, они пытаются приобрести идеологическое выражение... Борьба против идеологической трансцендентности превращается, таким образом, для режима в борьбу на жизнь или смерть. Внутри идеологической сферы, центр притяжения перемещается с философии к искусству и литературе. Опасная зона *философской* трансценденции подчиняется контролю посредством втягивания философии вовнутрь официальной теории» [1, с. 131].

Моральная философия, трансформирующаяся в прагматическую систему норм и правил поведения, превращается в составную часть государственной политики. Единственное, что остается для философии, это «методическое отрицание» западной философии. (Учебник Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 1946 г.).

Отрицая философию, идеологическая борьба направляется, главным образом, против «трансценденции» в искусстве. Советское искусство должно быть «реалистическим». Согласно советской эстетике, не существует противоречия между искусством и наукой, художественные понятия и логические понятия неразделимы. Искусство выражает «наиболее простым образом науку», «объективную истину». Советское реалистическое искусство превращается в инструмент социального контроля. «...Советский реализм облекался в модель репрессивного Государства. Реализация, сознательная и контролируемая, государственной политики посредством инструментом литературы, музыки, живописи и т.д., не сопоставима с искусством», – считает Маркузе [1, с. 137].

Далее Маркузе обращает внимание на своеобразное применение диалектики в «советском марксизме». Когда марксистская теория перестала быть «органом революционного сознания и практики», а стала частью «надстройки господства», развитие диалектического мышления «кодифицировалось в философскую систему». По мере того, как марксистская теория трансформируется в общую научную «концепцию мира», диалектика превращается в «теорию познания» абстрактного характера.

«Не существует марксистской теории социализма», потому что диалектические законы, действовавшие в антагонистических обществах, не применимы к истории «свободного человечества», – заявляет Маркузе. «Советский марксизм» может лишь фильтровать определенные принципы конкретных диалектических подходов «классиков» и противопоставлять их «недиалектическому мышлению». Он ссылается, в качестве примера, на работу Сталина «Диалектический материализм и исторический материализм», которая есть ничто иное, как пересказ положений работы Энгельса «Диалектика природы».

Советское применение диалектики в научной концепции мира разделяет марксистскую теорию на «диалектический материализм» и «исторический материализм», определяя последний как распространение и применение первого в изучении общества и его истории. Маркузе отмечает, что такого разделения не было у Маркса, для которого диалектический материализм был синонимом исторического материализма. В «советском марксизме» исторический материализм трансформируется в идеологию и оправдывает политическую практику. История в «советском марксизме» – специальная область, в которой действуют как исторические законы, так и «сверхисторические».

«Но в то время как укрепляются объективный и детерминистский характер диалектических законов, советский марксизм отрицает в действительности детерминизм и практикует волюнтаризм. Смещение значимости детерминизма во благо волюнтаризма, похоже, составляет черту ленинизма и достигает своей кульминации со сталинизмом. Прямой путь, кажется, ведет от «сознания извне» Ленина и его концепции централизованной авторитарной партии до личной диктатуры Сталина... Субъективные факторы превалируют над объективными факторами и законами» [1, с. 149].

По мнению Маркузе, В.И. Ленин пытался восстановить реальную связь между субъективным фактором и объективным фактором посредством централизованной революционной партии, построенной сверху и над пролетариатом. В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» он заменил диалектическое понятие истины «примитивным натуралистическим реализмом, позже канонизированном советскими марксистами. ...Авторитарный волюнтаризм сталинского руководства отвечал объективной определенности...» [1, с. 153].

Маркузе пишет: «...Суть диалектики делает очевидной историческую сущность советского общества: оно не составляет отрицания капитализма, а участвует в решающем аспекте, функции капитализма: индустриальное развитие производительных сил без контроля над производством «непосредственными производителями». Советская теория выражает здесь то, что идеология отрицает: что большевистская революция не была «еще» социалистической революцией, что «первая фаза» еще не есть социализм» [1, с. 154].

«Советский марксизм» утверждает то, что осуществленный в СССР «скачок» в диалектическом развитии оказался возможен благодаря «укреплению» государства. Так, в 1938 году был отменен диалектический закон «отрицания отрицания». «...Советский марксизм представлял «отсрочку» диалектики во имя существующей ситуации...»

«Насильственная борьба», установившаяся посредством террора, нашла свою идеологическую компенсацию в различных доктринах о «высшем характере советского человека». Одной из советских интерпретаций марксистской диалектики, начиная с периода сталинизма (после «успехов» первой «пятилетки»), стала идеологическая доктрина перехода от социализма к коммунизму.

В своей речи на Первой конференции «стахановцев» 17 ноября 1935 г. Сталин приветствовал «стахановское» движение как «подготовителя необходимых условий для перехода от социализма к коммунизму». «Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое войдет в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных ее страниц. ...Оно призвано произвести в нашей промышленности революцию. ...Социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме...» [5, с. 531-532].

В этом же суть последней работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», которая рассматривалась в то время, как первая марксистская теория, обозначившая конкретные формы такого «перехода». В этой книге большая часть была посвящена утверждению «неизбежности» войны между капиталистическими странами. Вместе с тем война между империалистическим и советским лагерями уже не считалась неизбежной.

Маркузе отмечает, что сделанные на XX съезде партии заявления об обострении внутренних противоречий капитализма, присутствующие также в принятой съездом Программе КССС, почти «буквально» совпадают со сталинскими формулами. Это совпадение фактически объясняет то, что в главном «постсталинская» политика есть ни что иное как продолжение и совпадение «генеральной линии последнего этапа сталинской политики».

«Политическое наследие Сталина повторяло идеи политического наследия Ленина об этом переходе, указав необходимость новой и продолжительной «передышке» как предварительного условия для внутреннего развития советского общества» [1, с. 169].

В речи 9 февраля 1946 г. Сталин заявил, что переход ко «второй фазе» произойдет не позднее между 1960-1965 гг. (основываясь на цифрах трех пятилетних планов). Впоследствии Хрущев, также как Сталин, отвергая «утопические взгляды» о переходе к коммунизму, однако, заявил, что в конце второго десятилетия (1971-1980) будет окончательно создана «материально-техническая база коммунизма». Это было закреплено в новой Программе КПСС (1961 г.).

Вместе с тем, «линия Маленкова» впоследствии интерпретировала тезис Сталина о конфликте между производительными силами и производственными отношениями как необходимость изменения в пропорции между основными отраслями производства в пользу промышленности товаров потребления,

хотя сам Сталин в свое время настаивал на том, что «приоритетная роль» должна оставаться за тяжелой промышленностью, как фундаментом социалистического планирования.

«Без сомнения, за теоретическим противоборством вокруг приоритета тяжелой индустрии скрывалась, возможно, борьба высших бюрократов за власть...», – замечает Маркузе. В октябре 1955 года от Маленкова потребовали, чтобы он отрекся от своего «ошибочного» заявления (сделанного в феврале 1955 года), согласно которому в Советском Союзе были установлены только «основы» социалистического общества, и чтобы он подтвердил вместо этого, что было построено полностью социалистическое общество, что в действительности означало признать окончание «сталинского» периода и начало нового, с которым себя ассоциировал Хрущев, считавший, что «сталинская альтернатива» уже преодолена.

Однако, как отмечает Маркузе, ничто не свидетельствует о том, что сталинская концепция государства изменилась после его смерти, хотя была отброшена «ошибочная формула» Сталина об обострении классовой борьбы в течение построения социализма. Согласно сталинской доктрине, сама природа государства как независимой власти в стране должна поддерживать контроль над средствами производства вне «непосредственных производителей».

Из своего анализа Маркузе делает вывод о том, что появление «социалистической демократии» в СССР будет обусловлено двумя главными предварительными условиями: 1) уровнем общественного богатства, который позволит организовать производство согласно с индивидуальными потребностями, и которое ликвидирует привилегии власти; 2) международная ситуация, в которой конфликт между двумя социальными системами уже не будет определять экономику и политику обеих.

В связи с этим Герберт Маркузе рассматривает «этические постулаты» советского марксизма в историческом сравнении их с «западной этикой».

Он отмечает, что революционная и постреволюционная борьба наложила свой отпечаток на систему ценностей, навязанную населению в соответствии с целями государства.

Одной из характеристик «западной этики» он отмечает «преобладание идеи свободы», согласно которой существенным условием бытия человека является быть «достаточно свободным от любого внешнего ограничения» для действия и поведения.

«Советская этика» претендует представлять себя как «высшую» мораль и видит основание для этого в исторической миссии марксистской теории. Но марксистская теория не располагает особой этикой, но лишь той, которая претендует быть «реализацией гуманистической этики». Поэтому исторические корни «советской этики» не чужды «Западу» в своих основополагающих аспектах, особенно в «функции требований власти и пропаганды». «Советская этика» претендует объединить идеи и жизненные сферы, которые представлены разделенными в «западной этике». Между тем западная идея свободы реализуется посредством существования экономических и политических институтов, которые позволяют индивиду превращаться в «ответственного архитектора своей судьбы».

В то время как «советскую ценность свободы» Маркузе считает «спорной», так как в действительности эта свобода оказывается «предопределенной». Эта свобода превращается в то, что предлагала «политическая философия», которая призывала общество отказаться от «естественной» свободы индивидуума в обмен на «гражданскую свободу», то есть к признанию «легитимной несвободы», что есть ни что иное как «безопасность».

Права человека превращаются в «поле компетенции» государства. Собственные ценности человека «экстериоризируются»; человек должен быть, таким образом, во *всех* своих проявлениях существом социальным и политическим. «Экстериоризация ценностей» составляет центральную черту «советской этики». Свобода трансформируется в инструмент для достижения политических целей. «Советская этика» есть, по существу, «инструментальная».

Маркузе замечает, что ленинское определение морали указывает на отсутствие специфических этических ценностей за пределами и вне классовой борьбы. «Советская этика» считается «предохранительным клапаном». «Образ будущего ...является аутентичным советским заменителем религии». «Этическая правда составляет, таким образом, политическую правду; политическая правда есть *абсолютная правда*» [1, с. 226].

С этой точки зрения философ характеризует «принципы коммунистической морали».

Он пишет: «Отсутствие систематического развития» элементарных принципов человеческой морали», безусловно, присуще политизации этики: посредством того, что моральные ценности превращаются постепенно в политические ценности и моральное поведение трансформируется в верное политическое поведение, остается меньше места для *независимых* этических принципов, или для обоснования их объективной ценности» [1, с. 237].

Вместе с тем, «анализируя высшие моральные ценности, которые устанавливает советская философия, трудно найти хотя бы одну моральную идею и комплекс моральных идей, которые не принадлежали бы также западной этике».

Моральные ценности сводятся к долженствованию положить все, что имеешь, на службу государству, партии и обществу, и к «трансформации долга в удовольствие». Государство составляет нечто этическое, *по сути*, и есть «истинное призвание советского человека».

В советском обществе этика была обусловлена «производительностью труда».

Изменения, введенные в советскую этику в сталинский период, решительно усилили подчинение индивидуальной морали развитию производительных сил, то есть, «реставрацией жесткой морали, дисциплинированной и авторитетной, в первые годы десятилетия тридцатых». «Этика производительности выражает слияние технической рациональности с политической рациональностью и характеризует советское общество на актуальном этапе», — пишет в середине 50-х годов Маркузе и указывает на «тенденцию коммунистической морали»:

В заключение Маркузе пишет: «Режим пытался, до сих пор, согласовывать идеологию и реальность посредством процедуры оправдания своей основной политики в марксистских терминах» [1, с. 274].

В «эпilogue» к своей книге (написанном уже в 1963 году), Маркузе заключает:

«В этой книге я сформулировал гипотезу о том, что ослабление революционного потенциала в передовых индустриальных обществах Запада, в следствии устойчивой предприимчивости организованного капитализма и устойчивого тоталитаризма в советском обществе (обе тенденции взаимосвязаны), похоже, превращает коммунистические партии в исторических наследников социал-демократических партий до войны» [1, с. 277]

Тем самым он как бы предвещает проникновение в руководство КПСС социал-демократических идей, неудачливым интерпретатором которых оказался М.С. Горбачев.

Библиографический список

1. Marcuse Herbert El marxismo sovietico / Herbert Marcuse. — Aliansa Editorial, Madrid, 1984 (1 ed. N.Y., 1958, 2 ed. Madrid, 1967). — 299 p.
2. Сталин И.В. Сочинения. Т.12. Политический Отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) / И.В. Сталин. — М.: Госполитиздат. — 397 с.
3. Шубин А. 10 мифов Советской страны. Правда о Великой эпохе. / А.Шубин. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 416 с.
4. Кара-Мурза Сергей. Манипуляция сознанием / Сергей Кара-Мурза. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 832 с.
5. Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев / И.В. Сталин // Вопросы ленинизма. — М.: Госполитиздат, 1952. — 651 с.

Поступила в редакцию 12.11.2008 г.